

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 620-628, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:39 (571.6)

Cultural Transformation of the Aboriginal Population of the North and the Far Eastern Policy of the Russian Autocracy in XIX – Early XX Centuries

Anna V. Akhmetova ^{a, *}

^a Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russian Federation

Abstract

This article deals with the history of cultural transformation of the small-numbered peoples of the Far Eastern region in pre-revolutionary period based on the set of published and unpublished materials. The increased focus is put on the problems of advancement of Christianity among the indigenous population of the national areas of the Far East where orthodox missionaries played a key role. The origins and initial processes of interaction between indigenous and alien population in the Far East during the period of accession of the region to the Russian Empire are investigated. A brief description of social and cultural life foundations of aborigines before the arrival of the Russians is given. The influence of Russian policy has extended to all spheres of life of the aboriginal population – household activities, religious views and national crafts. Social and economic contacts with the Russians have predetermined the life of the indigenous population of the Far East in all aspects. The religion turned out to be the most affected by the Russian government. The work includes the comparative study of the influence of Christian missionaries on different small-numbered peoples: the Chukchi, the Chuvans, the Evens, the Orochis, the Yukagirs etc. In general, Christianity was not predominant among the aborigines. On frequent occasions Christianity was adopted in view of benefits from interaction with the Russians. Christianization of traditional ethnic groups was superficial. Heathen beliefs had retained their influence. Multiformal contacts with outnumbering alien population resulted in penetration of Russian culture into all spheres of life of the small-numbered ethnic groups - from economic to cultural and general. Economic, social and cultural development of the indigenous population resulted in unusual combination of traditional and innovative forms of living.

Keywords: transformation, culture, native small-numbered ethnic groups, the Far East, state policy, the Russian Empire, Orthodoxy, *Jasak* (tribute paid off in furs), colonization

1. Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всестороннего обоснования концепции развития этнической культуры коренных малочисленных этносов дальневосточного региона в современных условиях. По мнению западных исследователей, коренные народы имеют историческая преемственность с доколониальных времен, считают себя отличными от других этносоциальных групп обществ и в настоящее время преобладают на конкретных территориях. Они полны решимости сохранять, развивать и передавать будущим поколениям их исконные территории и этническую идентичность, в качестве основы для продолжения своего существования как народов, в соответствии со своими специфическими культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами (Ivan, Nut, 2015: 29). В связи с этим является важным провести комплексный анализ проблемы малочисленных этносов, начиная с истоков взаимодействия коренного населения Дальнего Востока России и государственной власти.

2. Материалы и методы

* Corresponding author

E-mail addresses: wyrds@rambler.ru (A.V. Akhmetova)

К опубликованным источникам мы отнесли внутригосударственные правовые акты, дневники и путевые заметки исследователей Дальнего Востока. Также к работе привлечены неопубликованные источники, представленные документами ГАХК и РГИА ДВ. Были использованы документы из тематической коллекции, посвященные приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому. Ценными источниками стали ежегодные отчеты генерал-губернаторов, переписка местных чиновников, справки и доклады местных органов власти.

Для решения задач, поставленных в статье, был использован различный методологический инструментарий, в основу которого положен системный подход с его важнейшими элементами: системным анализом, структурно-функциональным методом. Благодаря историко-системному анализу было произведено обобщение конкретно-исторических фактов и рассмотрено межэтническое и межкультурное взаимодействие в дальневосточном регионе как целостная система, существенным компонентом которой являются этнокультурные процессы в национальных территориях Дальнего Востока России. Структурно-функциональный метод был применен для выявления структурных элементов трансформации этнокультурного развития в дореволюционный период и их взаимосвязи.

3. Обсуждение

В дореволюционный период изучением коренных народов Дальнего Востока, их быта, рассмотрением эволюции их жизненного уклада занимались отечественные ученые В.В. Иохельсон, С.П. Крашенинников, А.В. Олсуфьев, В.В. Солярский. В советское время проблемами дореволюционных отношений коренного населения с пришлым населением Российской империи изучали многие ученые-историки, но в основном в сравнительно контексте с достижениями советской эпохи. Наиболее значимым трудом в рамках марксистско-ленинской концепции считается монография М.А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера». На современном этапе исследованием трансформации культуры малочисленных этносов в эпоху российского самодержавия занимаются Ф.С. Донской, Я.С. Иващенко, Ю.В. Корчагин, Ю. Слёзкин, Л.Н. Хаховская.

4. Результаты

Политика российского самодержавия по освоению дальневосточного региона, претерпела коренные изменения с момента присоединения новых земель к Российской империи до начала XX в.

Освоение новых территорий на Дальнем Востоке имело специфику, благодаря взаимосвязи с тремя аспектами государственной политики: взаимодействие с коренным населением осваиваемых территорий, промышленное освоение и переселенческое движение русского населения в дальневосточном регионе (Corrado, 2014: 70).

Это не означает, что пришлое население считало военную силу главным способом достижения поставленных задач. «Если вспомнить о колоссальных размерах осваиваемых территорий, небольшой численности казачьих отрядов, которые наряду с ещё менее значительным контингентом государственных служащих и православных миссионеров долгое время были единственными представителями русского населения Дальнего Востока, а также жёстком климате и оторванности от баз в течение многих лет, то станет ясно, что коренное население выступало скорее как помощник и учитель в противостоянии с более серьёзным врагом – сибирской и дальневосточной природой» (Ахметова, Наследов, 2013: 37).

Глубокое влияние на исторические судьбы проживавшего на Дальнем Востоке коренного населения оказал процесс открытия и освоения Россией земель Азиатско-Тихоокеанского региона. Со второй половины XVII в. в состав Российского государства вошли этнические группы, сложившиеся в глубокой древности на Северо-востоке Азии, в Приамурье, Приморье и на Сахалине – чукчи, коряки, эвены, эскимосы, алеуты, ительмены, эвенки, нивхи, орочи, удэгейцы и др. Многовековой процесс формирования и этнического развития этих народов способствовал выработке ярких и самобытных национальных культур. Формирование их проходило в процессе этнического взаимодействия и культурного взаимовлияния (Корчагин, 1994: 218).

В то время, когда русские землепроходцы и мореходцы впервые встретились с коренными малочисленными народами, социальной основой их организации являлась родовая община – первичная хозяйственно-демографическая общность. Хозяйство разрозненных этнических групп было обусловлено в первую очередь природно-климатическими условиями. Постепенно сформировались хозяйственные комплексы, ставшие материальной основой их существования, – морской зверобойный промысел, домашнее оленеводство, охотничий и рыболовный промыслы, сбор дикоросов.

Добывая возобновимые природные ресурсы, аборигены бережно относились к окружающей среде, оберегали и боготворили ее, из поколения в поколение вырабатывая и сохраняя поведенческие традиции. Многие исследователи характер взаимодействия народов Севера и окружающей природы определили как систему социальной солидарности общества и окружающей среды.

В этнических традициях и обычаях малочисленных народов определяющее значение имела система религиозных верований – ранние формы вероисповедания (анимизм, магия, тотемизм, шаманизм, фетишизм), а также синтез языческих и христианских элементов догматики и культа.

Сущностной основой дохристианского комплекса религиозных верований являлась, с одной стороны, иерархия духов, с другой, служители культа – шаманы, которые управляли не только религиозной, но и производственной и бытовой деятельностью малочисленных этносов Севера.

Присоединение Дальнего Востока к России имело громадное историческое значение, так как все коренные народы были вовлечены в общероссийский культурно-исторический процесс, в мировую цивилизацию. Незаменимыми участниками походов государевых служилых людей стали местные жители в качестве проводников и каюров. Благодаря землепроходцам и мореходцам, Российское государство стало тихоокеанской державой, приобрело громадные территории с богатейшими природными ресурсами, превратившимися в «государеву вотчину».

Следствием проникновения русских в глухие районы Дальнего Востока стало широкое распространение железных изделий среди народов региона, что облегчало сооружение жилищ и транспортных средств, изготовление промыслового инвентаря и т. п.; распространялись новые орудия труда, рыбного промысла и добычи зверя. Коренные, жители получили от русских огнестрельное оружие, новые материалы для изготовления снастей, освоили неизвестные прежде, способы обработки рыбы (Сергеев, 1957: 23). Все это положительно сказывалось на традиционных промыслах – зверобойном, охоте и рыболовстве – и на материальной культуре аборигенов.

Освоение северо-восточных окраин Азии к России и включение их традиционных хозяйств в систему общероссийского рынка способствовали разрушению патриархального уклада в этнических общностях, а также росту производительных сил. Развитие малочисленных народов проходило с этого времени под влиянием прогрессивного общественного строя России, «а отсюда вытекает факт большой исторической важности – проникновение к ним тех или иных элементов русской народной культуры» (Сергеев, 1955: 4).

Открываемые земли, по сути, считались ничейными (подобное происходило и при колонизации Австралии). Сам факт присутствия русского человека на данной территории означал, что она становится частью Российского государства, царь – собственником этой земли, а проживающие здесь люди обретали российское подданство и по сложившимся обычаям пользовались землей своих предков, уплачивая за такое право пользование ясак.

Присоединение в целом не привело ни к истреблению коренного населения, ни к значительному сокращению его численности. Как центральное правительство, так и местные власти, и частные торговцы, были заинтересованы не в уничтожении коренного населения, а в превращении их в организованных поставщиков пушнины. Поэтому процесс проникновения русских в новые земли шел не столько военным путем, сколько экономическим.

Хозяйственные связи с русскими оказали влияние на все стороны жизни коренного населения Дальнего Востока. Произошло постепенное изменение характера хозяйственно-экономической жизни коренного населения, многие из которого перешли от оленеводства, охоты и рыболовства к охоте на пушного зверя и торговле пушниной в обмен на промышленные товары и продукты, изменился характер оленеводства от мелкотабунного к крупнотабунному, ранее не практиковавшемуся.

В процессе присоединения к России рушилась традиционная племенная организация коренных народов, ускорился распад больших первоначальных родов, изменились многие социальные институты. В XVII–XVIII вв. усилились миграционные процессы населения как внутри одной этнической группы, так и между отдельными народами, размывание и смешение больших северных обществ. В целом уменьшилась территория групп, занимающихся преимущественно присваивающими отраслями хозяйства – охотой, рыболовством, напротив, оленеводы существенно расширили свои территории (Вахтин, 1993: 16).

Пребывание в течение трех веков в составе Российского государства сказалось на общественных отношениях у народов Севера – ускорился процесс разложения первобытнообщинного строя, усилилась имущественная дифференциация внутри соседских общин. Однако частная собственность на охотничьи и рыболовецкие угодья, так же, как и олени пастбища не сложилась. В XIX – начале XX века у народов Севера преобладали не родовые, а территориальные общинные связи. Архаическим общественным отношениям соответствовали быт и традиционная культура. Большая часть аборигенного населения вела кочевой образ жизни. Все интересы северян сосредотачивались внутри обособленных мелких стойбищ (Гурвич, 1987: 12).

Исследователь С.П. Крашенинников описывал быт чукотских аборигенов, как «гнусный и беспокойный». Чукчи подвергались давлению со стороны других народов, стремившихся больше взять, чем дать, обороняясь примитивным оружием. Чукчи с трудом воспринимали нововведения пришлого населения, видя в них своих врагов, пытались уйти от них в тундру. Поэтому среди них «не были изжиты невежество и дикость». Мирная торговля XIX в. начала перестраивать жизнь чукотского народа, и именно тогда возникло значительное различие между береговыми чукчами и чукчами-оленеводами, живущими в глубокой тундре (Крашенинников, 1994: 123).

Брачно-семейные отношения среди чукчей не были особо крепкими. У многих аборигенов сохранялось пренебрежительное отношение к женщинам, несмотря на то, что они выполняли не менее (а то и более) тяжелые работы, чем мужчины («Раз ты – женщина – гложь кости»). «Наиболее отсталыми в культурном отношении остались чукчи-оленеводы. У большинства чукчей сохранилась

меховая оленья одежда, которую одевали на голое тело. Новорожденного ребенка чукчи сразу одевали в меховой мешок. Мытье тела не было свойственно для чукчей, вследствие чего для них была характерна значительная завшивленность, борьбы с которой не велось. Чукчи не употребляли в пищу соли. Основной их пищей было оленье мясо, которое они употребляли в огромном количестве» (Ахметова, 2011: 17).

Российское государство свое присутствие в Сибири закрепляло наличием «ратных людей», возведением поселений и фактическим обживанием новых земель, а также обложением ясаком местных жителей, приведением их вождей к присяге, изданием особых актов о данных территориях и ясачных отношениях, установлением внешних границ. При этом коренные народы вплоть до начала XIX в. были специфически встроены в российскую государственность на основе их военно-политической, ясачной зависимости от государства-метрополии, когда две социальные системы (государство и традиционное общество) достаточно мирно сосуществовали в рамках единых политических границ, но практически не вступали в процесс активного взаимодействия. Только после появления Устава об управлении инородцев 1822 г. (Об управлении инородцев, 1830: 394-417) стали формироваться условия административно-правовой зависимости аборигенов, при которых начала происходить интеграция традиционных форм общественного устройства с государственными и постепенная замена первых последними.

Конфессиональная политика Российской империи в отношении «инородцев» была составной частью национальной политики. В основе всех государственных мероприятий в религиозной сфере Азиатской России лежало признание большой общественно-политической и социокультурной важности распространения православия среди аборигенов. Принятие православия коренным населением считалось необходимым элементом политики русификации. В то же время это был и важнейший социокультурный процесс. В результате «в российской колонизационной модели восточных краин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одним отличием колонизационной политики России от колониальных империй Запада» (Дамешек, Ремнев, 2007: 218).

Стихийное крещение коренного населения Дальнего Востока началось сразу после прихода в регион русских. «Практическая необходимость их христианизации вытекала из того обстоятельства, что многие русские служилые и промышленные люди прибывали без семей и вступали в брак с местными женщинами» (Хаховская, 2004: 5-25). Однако в XVII в. крещение аборигенов было крайне затруднительным, так как власти опасались сокращения ясачного сбора. Такая политика была изменена в XVIII в., когда поступление ясачной пушнины практически перестало играть значимую роль в доходах страны. Поэтому теперь государство начало поощрять переход аборигенов в православие, так как церковь существенно умножила влияние имперской власти на коренное население.

В 1840 г. была учреждена Камчатская, Курильская, Алеутская епархия, первым епископом которой стал Иннокентий Вениаминов, миссионерская деятельность которого охватывала все Охотское побережье. Именно с данного периода государственная политика по организации базы православия на Северо-Востоке страны стала более централизованной, а работа священников – активнее и организованней.

Но алеутский миссионер И. Вениаминов может быть назван исключением, так как большая часть священников и монахов, посылаемых на Дальний Восток, были людьми малообразованными. Они не знали национальные языки (и не хотели их знать), были грубы и совершенно лишены моральных и педагогических качеств для распространения христианства.

В гижигинском архиве есть несколько дел о злоупотреблениях духовенства. Например, было возбуждено дело против трех священников, которые поступили на службу к торговцам как развозчики товаров, пользуясь в тоже время как духовные лица льготами по перевозкам и эксплуатируя в этом отношении и русских жителей, и аборигенов (Иохельсон, 1997: 222).

Значительно меньше по сравнению с другими народами Севера миссионерская деятельность затронула чукчей (луораветланов). Так, в первой половине XIX века было крещено всего около 55 чукчей. Но и в отношении этих 55 неофитов в 1817 г. иркутский губернатор Николай Иванович Трескин заявлял, что «чукотский народ по дикому образу жизни не имеет никакого понятия, ни о вере христианской, ни о подданстве; ежели случалось когда, что некоторые из чукоч принимало святое крещение, то единственно в надежде получить награду или подарки» (Окунь, 1936: 97).

Христианская религия не оставила заметного следа среди аборигенов, хотя формально несколько десятков чукчей числились христианами. А.В. Олсуфьев, в 1895 г. исследовавший Анадырскую округу, описывал: «Обращение чукоч в православие началось еще в начале нынешнего столетия, но пока не дало никаких ощутительных результатов... Сами обращенные остались верными прежним языческим обычаям» (Олсуфьев, 1896: 95). В 1905 г. следующий уездный начальник писал: «Распространение христианства среди прианадырских чукчей идет весьма медленно и не имеет никаких устоев, кроме обрядовой стороны крещения» (РГИА ДВ, Ф. 702. Оп. 1. Д. 479. Л. 82).

В результате попытка христианизации чукчей никаких изменений в их сознание не внесла, а эскимосов христианизация не коснулась совсем.

Известный исследователь Дальнего Востока В.П. Маргаритов в отношении орочей провел следующие наблюдения: «Все орочи окрестностей Императорской гавани считаются православными христианами, но христианство признается ими только для виду и выражается только тем, что некоторые из них имеют крест, в большинстве случаев где-нибудь спрятанный. Креститься умеют пять-шесть человек, понятий о вере христианской никаких и ни у кого. Под прикрытием христианства каждый из них продолжает чтить религию своих предков» (Анисимов, 1971: 45).

Проживавшие по соседству с русскими в поселках Марково, Солдатово и др., чуванцы и юкагиры также приняли православную веру. В то же время, отдельные элементы языческих верований коренных народов были восприняты русскими старожилами (Диков, 1989: 121-122).

По мнению Ю. Слезкина, северные народы не отличались склонностью к прозелитизму и потому не считались угрозой православию, странствующие миссии оказались слишком дорогостоящими, школам для инородцев трудно было привлечь учеников, и лишь немногие миссионеры проявляли желание ехать в Арктику. Большинство епархиальных отчетов представляло собой тщетные призывы к добровольцам и нескончаемые жалобы на то, что «некому совершать богослужения для инородцев, а большинство миссионерских дневников заполнялось леденящими душу описаниями непроходимых болот, жестоких буранов, омерзительной местной пищи и враждебности со стороны торговцев и местных чиновников» (Слезкин, 2008: 141-142).

Вымирание окраинных народов «теоретически» оправдывалось дореволюционными идеологами и духовенством. Так, журнал Священного синода Русской Православной Церкви утверждал: «Непреложный исторический закон состоит в том, что на развалинах одних царств создаются другие царства, на месте одних, отживших свой век народов и наций, появляются другие народы и нации... Ныне на поверхности земного шара находится еще немало таких племен и наций, дни которых уже сочтены, которые находятся... уже в последней стадии своего вымирания, или иначе сказать, накануне своего полного и окончательного исчезновения» (Донской, 2006: 179).

В целом позиция церкви по отношению к коренным народам Дальнего Востока была двоякой.

С одной стороны, священники вызывали враждебное отношение к себе среди туземцев за свои действия, связанные с насильственным обращением в христианство. Они плохо обращались с коренным населением, занимались мошенничеством, пьянствовали. Христианство служило в качестве средства примирения коренных народов с их тяжелой участью при царском режиме.

С другой стороны, церковь содействовала просвещению и культурному развитию аборигенного населения Дальнего Востока. Благодаря церкви, начальное образование оказалось доступным местному населению. Действовала сеть церковных школ. Издавались церковные книги на национальных языках. Все это способствовало росту грамотности среди коренного населения. Две трети алеутов были грамотными, именно благодаря деятельности христианских миссий.

В 1916 г. В.В. Солярский докладывал генерал-губернатору о народах Приамурья: «Христианство усвоено инородцами в его внешней обрядовой стороне, а внутренний смысл и сущность христианской религии остаются для них чуждыми, и инородцы-христиане поныне сохраняют языческие религиозные воззрения, и преобладающая часть из них придерживается шаманства» (Солярский, 1916: 151). Новообращенные, усвоив лишь внешнюю обрядовую сторону новой веры, оставались по существу теми же язычниками; православные обряды имели для них то же магическое значение, что и обряды древнего шаманского культа.

У священников было больше возможностей проводить свою просветительскую миссию, если бы для этого отбирались образованные люди, а финансирование от правительства и частных миссионерских организаций были достаточно велики, чтобы миссионеры не становились тяжким бременем для аборигенного населения.

«Устав об управлении инородцев» лег в основу «Положения об инородцах» 1892 г. (Положение об инородцах, 1903: 1-44). «Положение включало в себя механизмы, защищающие инородческое население в случае возникновения стихийных бедствий, эпидемий, неурожаев и др. В нем закреплялась ответственность губернатора за состояние инородческого населения на подведомственной территории» (Ахметова, 2012: 5).

В отчете за 1893–1895 гг. генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской отметил, что «упадок жизни инородцев происходит под влиянием распространения цивилизации, из-за чего инородцы потревожены на своих заповедных местах. Также сказывается влияние приграничного Китая, пытающегося установить свою юрисдикцию над инородцами. С целью предотвращения такого влияния полиции было вменено в обязанность попечение за инородцами» (ГАХК. НСБ. Инв. № 2708. Л. 8-12).

Из года в год увеличивалось вымирание малочисленных народов Дальнего Востока. В 1911 г. известный исследователь Севера С. Патканов определил, что у отдельных северных народов ежегодная убыль населения доходила до 10 % (Базанов, Казанский, 1939: 16).

Трансформация культуры аборигенов имела взаимообратный характер. В результате влияния традиционной культуры аборигенов преобразились русские старожилы, постоянно проживавшие на территории арктического побережья, на которой доминировало коренное население. В условиях дефицита женщин пришлое население женилось на аборигенках. Популярной среди русских была звенкийская обувь «унтал», приспособленная к длительным переходам по тайге. «Пограничное

социально-этническое положение русских старожилов отразилось на роде их занятий: они, будучи торговцами, выступали посредниками между русскими городами и деревнями, с одной стороны, и кочевым миром тайги и тундры, - с другой» (Иващенко, 2011: 253).

5. Заключение

Многообразные контакты с пришлым населением, многократно превосходящим аборигенов по численности, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни малочисленных этносов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Хозяйственное и социокультурное развитие коренного населения привело к причудливому сочетанию традиционных и инновационных форм жизнедеятельности.

Тезис многих дореволюционных теоретиков о неполноценности аборигенных народов Севера и неизбежности их вымирания был полностью опровергнут исторической практикой XX в., когда началась реализация марксистско-ленинской концепции, согласно которой каждый народ, независимо от величины, имел право на существование и развитие.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, договор № 14.Z56.16.5304-МК (Грант Президента РФ).

Литература

- Анисимов, 1971 – Анисимов А.Ф. Исторические особенности первобытного мышления. Л.: Наука, 1971. 204 с.
- Ахметова, 2011 – Ахметова А.В. Медицинское обслуживание и устройство быта коренного населения Чукотки в дореволюционный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-3. С. 16-18.
- Ахметова, 2012 – Ахметова А.В. Социально-экономическая политика и законодательное оформление царской властью жизни аборигенного населения дальнего востока в XIX – начале XX вв. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). С. 5.
- Ахметова, Наследов, 2013 – Ахметова А.В., Наследов В.Г. Эволюция взаимоотношений российского государства с коренным населением Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки в XVII – XIX вв. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. №9(29). С. 37.
- Базанов, 1939 – Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л. : Учпедгиз, 1939. 205 с.
- Вахтин, 1993 – Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1993. 99 с.
- ГАХК – Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека. Отчет Приамурского генерал-губернатора за 1893–1895 гг. Инв. № 2708. С. 8–12.
- Гурвич, 1987 – Этническое развитие народностей Севера в советский период / под ред. И.С. Гурвича. М.: Наука, 1987. 225 с.
- Дамешек, Ремнев, 2007 – Сибирь в составе Российской империи / под ред. Л. М Дамешека, А.В. Ремнева. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
- Донской, 2006 – Донской Ф. С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. В 3 т. Т. 3. Новосибирск: Наука, 2006. 427 с.
- Иващенко, 2011 – Иващенко Я.С. Культура жизнеобеспечения тунгусо-манчжуров: Системно-синергетический анализ. СПб.: Астерия, 2011. 462 с.
- Иохельсон, 1997 – Иохельсон В.В. Коряки: материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 238 с.
- История Чукотки, 1989 - История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под ред. Н.Н. Дикова. М.: «Мысль», 1989. 492 с.
- Корчагин, 1994 – Корчагин Ю.В. Народы Севера России в двадцатом столетии: процесс преобразований в западноевропейской и североамериканской историографии. Санкт-Петербург; Петропавловск-Камчатский: изд-во камч. гос. пед. ин-та, 1994. 285 с.
- Крашенинников, 1994 – Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: в 2-х т. СПб. : Наука, 1994. Т. 1. 439 с.
- Об управлении инородцев, 1830 – Об управлении инородцев: Высочайше утвержденный Устав июля 22 (1822 г.) № 29126 // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 38. С. 394-417.
- Окунь, 1936 – Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л. : Огизсоцэргиз, 1936. 152 с.
- Олсуфьев, 1896 – Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1896. 246 с.

- Положение об инородцах, 1903** – Положение об инородцах 1892 г. // Свод законов Российской империи. СПб. 1903. Т. 2. Ч. 1. С. 1-44.
- РГИА ДВ** – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
- Сергеев, 1957** – *Сергеев М.А.* Малые народы советского Севера. Магадан: Кн. изд-во, 1957. 156 с.
- Сергеев, 1955** – *Сергеев М.А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 570 с.
- Слёзкин, 2008** – *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Солярский, 1916** – *Солярский В.В.* Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1916. 173 с.
- Хаховская, 2004** – *Хаховская Л.Н.* Охотские церкви в XIX – начале XX вв. (Гижигинская, Тауйская, Ямская и Ольская) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. Магадан: СКВНИИ ДВО РАН, 2004. С. 5-25.
- Corrado, 2014** – *Corrado S.* A land divided: Sakhalin and the Amur Expedition of G.I. Nevel'skoi, 1848–1855 // *Journal of Historical Geography*. 2014. Vol. 4. Pp. 70-81.
- Ivan, Nut, 2015** – *Ivan A.L., Nut R.E.* Sami People and the Right to Self-Determination // *Society and Politics*. 2015. Vol. 9, № 2(18). Pp. 28-34.

References

- Akhmetova, 2011** – *Akhmetova A.V.* Medicinskoe obsluzhivanie i ustrojstvo byta ko-rennogo naselenija Chukotki v dorevoljucionnyj period [Health maintenance and everyday life organization of indigenous population of Chukotka in pre-revolutionary period], *Historical, philosophic, political and legal sciences, the studies of culture and art. Theoretical and practical issues*. 2011. No. 2-3. P. 16-18. [In Russian]
- Akhmetova, 2012** – *Akhmetova A.V.* Social'no-jekonomicheskaja politika i zakonoda-tel'noe oformlenie carskoj vlast'ju zhizni aborigennogo naselenija dal'ne-go vostoka v XIX - nachale XX vv. [Social and economic and legal policy of the Russian Empire with respect to aboriginal population of the Far East in XIX - early XX centuries], *Contemporary studies of social problems (electronic scientific periodical)*. – 2012. No. 11 (19). P. 5. [In Russian]
- Akhmetova, 2013** – *Akhmetova A.V.* Jevoljucija vzaimootnoshenij rossijskogo gosudar-stva s korennyim naseleniem Sibiri, Dal'nego Vostoka i Russkoj Ameriki v XVII–XIX vv. [The evolution of interactions be the Russian state and the indigenous population of Siberia, the Far East and Russian America in XVII–XIX centuries], *Contemporary studies of social problems (electronic scientific periodical)*. № 9 (29), 2013. P. 37. [In Russian]
- Anisimov, 1971** – *Anisimov A.F.* Istoricheskie osobennosti pervobytnogo myshle-nija [Historical aspects of aboriginal mentality]. L.: Nauka, 1971. 204 p. [In Russian]
- Bazanov, 1939** – *Bazanov A.G.* Shkola na Krajnem Severe [School in the Far North], Leningrad: Uchpedgiz, 1939. 205 p. [In Russian]
- Corrado, 2014** – *Corrado S.* A land divided: Sakhalin and the Amur Expedition of G.I. Nevel'skoi, 1848–1855 // *Journal of Historical Geography*. 2014. Vol. 4. Pp. 70 – 81.
- Dameshek, Remnev, 2007** – *Sibir' v sostave Rossijskoj imperii* [Siberia as the part of the Russian Empire/ under the editorship of L.M. Dameshek, A.V. Remnev], Moscow: New literary review, 2007. 368 p. [In Russian]
- Dikov, 1989** – *Istorija Chukotki s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The history of Chukotka from the earliest times down to our days / under the editorship of N.N. Dikov]. Moscow: “Mysl”, 1989. – 492 p. [In Russian]
- Donskoy, 2006** – *Donskoy F.S.* Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka vo vtoroj polovine XX veka. [Native small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East in the second half of XX century. In 3 volumes. Vol. 3], Novosibirsk : Nauka, 2006. 427 p. [In Russian]
- ГАНК** – Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja [Khabarovsk territory State archive. Scientific reference library. The report of the Governor-General of Priamurye (the Amur River region) for 1893 –1895] Inventory No. 2708. P. 8-12. [In Russian]
- Gurvich, 1987** – *Jetnicheskoe razvitie narodnostej Severa v sovetskij period* [Ethnic development of the peoples of the North during the Soviet period / under the editorship of I.S. Gurvich]. Moscow: Nauka, 1987. 225 p. [In Russian]
- Iokhelson, 1997** – *Iokhelson V.V.* Korjaki : material'naja kul'tura i social'naja orga-nizacija [The Koryaks : material culture and social organization], – Saint Petersburg: Nauka, 1997. 238 p. [In Russian]
- Ivan, Nut, 2015** – *Ivan A.L., Nut R.E.* Sami People and the Right to Self-Determination // *Society and Politics*. 2015. Vol. 9, № 2(18). P. 28-34.
- Ivashchenko, 2011** – *Ivashchenko Y.S.* Kul'tura zhizneobespechenija tunguso-manchzhurov: Sistemno-sinergeticheskij analiz [Life sustaining culture of the Tungus and Manchus: systematic and synergetic analysis], Saint Petersburg: Asteria, 2011. 462 p. [In Russian]
- Khakhovskaya, 2004** – *Khakhovskaya L.N.* Ohotskie cerkvi v XIX – nachale XX vv. (Gizhiginskaja, Taujskaja, Jamskaja i Ol'skaja) [The churches of Okhotsk in XIX – early XX centuries. (Gizhiginskaya, Taujskaja, Jamskaja i Ol'skaja)]

Tauyskaya, Yamskaya and Olskaya)], The materials on the history of the North of the Far East. – Magadan: SKVNII DVO RAN, 2004. P. 5-25. [In Russian]

Korchagin, 1994 – *Korchagin Y.V.* Narody Severa Rossii v dvadcatom stoletii: process preobrazovanij v zapadnoevropejskoj i severoamerikanskoj istoriografii [Peoples of the Russian North in 20th century: the transformation process in West European and North American historiography]. Saint Petersburg; Petropavlovsk-Kamchatsky: the publishing house of State Pedagogical Institute of Kamchatka, 1994. 285 p. [In Russian]

Krashenninnikov, 1994 – *Krashenninnikov S.P.* Opisanie zemli Kamchatki : v 2-h t [The description of Kamchatka: in 2 volumes]. Saint Petersburg : Nauka, 1994. Vol. 1. 439 p. [In Russian]

Ob upravlenii inorodcev, 1830 – Ob upravlenii inorodcev : Vysochajshe utverzhdenyj Ustav ijulja 22 (1822 g.) № 29126 [On administration of non-Russians : His Imperial Majesty's Edict dated July 22 (1822) No. 29126], The complete collection of laws of the Russian empire. Saint Petersburg, 1830. Vol. 38. P. 394-417. [In Russian]

Okun, 1936 – *Okun S.B.* Oчерki po istorii kolonial'noj politiki carizma v Kamchatskom krae [An outline of colonial policy of czarist regime in Kamchatka Territory]. Leningrad. : Ogizsotsekgiz, 1936. 152 p. [In Russian]

Olsufjev, 1896 – *Olsufjev A.V.* Obshhij oчерk Anadyrskoj okrug, ee jekonomicheskogo sostojanija i byta naselenija [A general outline of Anadyr region, its economic status and the everyday life of its population]. Saint Petersburg: The printing house of Imperial Academy of Sciences, 1896. 246 p. [In Russian]

Polozhenie ob inorodcah, 1903 – Polozhenie ob inorodcah 1892 g. [Regulation on non-Russians 1892], The official digest of statutes of the Russian Empire. Saint Petersburg. 1903. Vol. 2. Pt. 1. P. 1-44. [In Russian]

RGIA DV – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Dal'nego Vostoka. [Russian state historical archive of the Far East].

Sergeev, 1957 – *Sergeev M.A.* Malye narody sovetского Severa [The small-numbered peoples of the Soviet North], Magadan: Book house, 1957. 156 p. [In Russian]

Sergeev, 1957 – *Sergeev M.A.* Nekapitalisticheskij put' razvitija malyh narodov Severa [Non-capitalist path of development of the small-numbered peoples of the Soviet North], Leningrad: ASUSSR publishing house, 1955. 570 p. [In Russian]

Slezkin, 2008 – *Slezkin Y.* Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic mirrors: Russia and the small-numbered people of the North]. M.: New literary review, 2008. 512 p. [In Russian]

Solyarsky, 1916 – *Solyarsky V.V.* Sovremennoe pravovoe i kul'turno-jekonomicheskoe polozhenie inorodcev Priamurskogo kraja [Contemporary legal, cultural and economic status of the non-Russians of Priamursky territory], Khabarovsk: The printing office of the Governor-General of Priamurye (the Amur River region), 1916. 173 p. [In Russian]

Vakhtin, 1993 – *Vakhtin N.B.* Korennoe naselenie Krajnego Severa Rossijskoj Federacii [The indigenous population of the Northern territories of the Russian Federation]. Saint Petersburg: European publishing house, 1993. 99 p. [In Russian]

УДК 94:39 (571.6)

Трансформация культуры аборигенов Севера и политика российского самодержавия на Дальнем Востоке в XIX – начале XX веков

Анна Валинуровна Ахметова ^{a, *}

^a Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе группы опубликованных и неопубликованных источников рассматривается история трансформации культуры малочисленных этносов дальневосточного региона в дореволюционный период. Особое внимание уделяется проблеме распространения христианства среди коренного населения национальных районов Дальнего Востока, где важнейшую роль сыграли православные священники-миссионеры. Исследованы истоки и начальные процессы взаимодействия коренного и пришлого населения на Дальнем Востоке в период присоединения региона к Российской империи. Дается краткая характеристика социальной и культурной основ жизни аборигенов до прихода русских. Влияние российской политики распространилось на все сферы жизни аборигенного населения – быт, религиозные воззрения и национальные промыслы. Социально-экономические связи с русскими повлияли на все стороны жизни коренного населения Дальнего Востока. Наибольшему воздействию со стороны российского правительства подверглась

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: wyrds@rambler.ru (А.В. Ахметова)

именно религиозная сфера. В работе проведен сравнительный анализ степени воздействия христианских миссионеров на различные малочисленные народы: чукчей, чуванцев, эвенков, орочей, юкагиров и др. В целом христианство не пользовалось преобладающим влиянием среди аборигенов. Зачастую они крестились только потому, что это могло привести к практическим выгодам при взаимодействии с русскими. Христианизация традиционных этносов имела внешний характер. Языческие верования продолжали пользоваться большим влиянием. Многообразные контакты с пришлым населением, многократно превосходящим аборигенов по численности, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни малочисленных этносов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Хозяйственное и социокультурное развитие коренного населения привело к причудливому сочетанию традиционных и инновационных форм жизнедеятельности.

Ключевые слова: трансформация, культура, коренные малочисленные этносы, Дальний Восток, государственная политика, Российская империя, православие, ясаки, колонизация